

Даль Олег

02.07.98

Независимая газета. - 1998. - 2 июля. - с. 15

ВПЕРЕДИ - ДАЛЬ

Не «рупор эпохи», не «секс-символ», а просто - Актер

Ольга Гаврилова

Олег Даль. Дневники, письма, воспоминания. - М.: Центрполиграф, 1998, 424 с.

Л ЕГКО любить известного артиста. Вешать портрет на стену, пересматривать фильмы, стоять за билетами на спектакль, листать красочные альбомы с фотографиями. Радоваться его новому званию. Девочкам - писать ему письма и мечтать о его любви, друзьям - гордиться дружбой, режиссерам - публично восхищаться и рвать друг у друга. Талант! Гений! Слава... Со всех афиш в городе - его глаза и улыбка. Нет человека, не знающего, кто это. Легко любить...

Любить - нелегко. Актеров особенно нелегко любить. Они, творческие личности, сложны в повседневной жизни, потому что - сложны. Они непредсказуемы и капризны, у них неустойчивая психика. Они раздражаются, когда им кажется, что их не любят, их талант не це-нят, ими пренебрегают. Войдя в образ, они часто сживаются с ним и не могут от него освободиться. Тяжело любить талант, который живет рядом с тобой, его постоянные сигареты, бессонные ночи, нервные срывы, резкие смены настроения, запои и истерики, неприспособленность к жизни, витание в облаках, неумение жить «как все», широту жестов, рабий режим дня, напоры поклонников и поклонниц... Тяжело переносить постоянную требовательность

венный». Это слово потом повторят многие коллеги Даля. Талантливый, особенный. Противоречивый. Все говорят о легкости и нежности Даля. И все - о внутреннем трагизме и старческой мудрости. О дружественности, любви к собратьям - и о нарочитом одиночестве. Рассказы, пусть и достаточно комплиментарные, все же не выглядят слишком сладкими. Скорее в них - вкус вишни и горечь вишневых косточек. Все помнят Даля совершенно по-разному, но все - и коллеги, и режиссеры, и сценаристы (вот уж кого трудно заподозрить в комплиментарности) - признают одно: это был гениальный актер. Не «рупор эпохи», не «секс-символ», а просто - Актер, который мог сыграть ВСЕ. И не успел, не смог, не дали... Жертва времени и его любимый ребенок.

Зачто надо, безусловно, поблагодарить составителей сборника - это за то, что мемуаристы не впадали в много- и славословие. Если человек мог сказать о Даля коротко, в полстраницы, как Агнешка Осецка, но емко, - этого достаточно. Воспоминания получились в основном адекватными характеру их предмета: нервными, сдержанными, с внутренними скрытыми бурями, немногого грустными. Без лишнего пафоса - типа «какой светильник разум утас». Многие вспоминающие осмысливают уход Даля в ряду таких же значимых для всех, не только для актерского мира, потерей Высоцкий, Дворжецкий (друзья), Богатырев, Лупшаков, Алейников, Миронов. «Тогда считать мы стали...»

Но первая

часть - пить и

не утолить

жажду. Кол-

леги боль-

ше говорят о че-

ловеке

и уб-

ли ч-

ном, об

Артис-

те.

Мало

тех по-

дроб-

ностей,

кото-

рые

х о-

чет-

утра в доме Лизы Эйхенбаум, неожиданный приезд в гости абсолютно пьяных Даля и Виктора Павлова с абсолютно трезвым Дворжецким. Даляр, плачущий над пристреленной на съемках лошадью. Даляр, дрессирующий кошку. Дурачясь, Даляр изображает дряхлого старика и ходит по комнатам, кряхтя и шаркая. Во время одной из таких шуток дочь, Лиза, понимает: он не будет старым. Козинцев, впрочем, это понял очень давно и сразу сказал ассистентам: «Мне его жаль. Он - не жилец!» Близкий (и все равно неожиданный) конец видела и Ольга Борисовна, о нем она пишет, предполагая скрытые причины прихода Даля в нелюбимый им Малый театр незадолго до смерти. Вообще в околосценических драматах Эйхенбаум волей-неволей разобралась неплохо, хотя, может быть, и несколько предвзято - играя на стороне Олега. Ольга Борисовна интеллигентна, но жестко раздает «всем сестрам по сердам», цитируя реплики Даля о знакомых режиссерах и «друзьях»-актерах. Запоздалая месть, понятная обида на тех, кто не понимал, обижал... Удивительный жанр, по-моему, еще невиданный - записки тещи. Кто обычно подмечает все недостатки мужчины тещи, чем теща? Кто должен был бы начать плач о загубленной жизни дочери? И главное - все было бы правдой! Нет. Только боль, любовь и нежность. Звал Олей. Считал другом. Вообще он удивительно умел дружить со старшим, уходящим поколением: со Шкловским, с Козинцевым. По мнению Ольги Борисовны, он бы очень понравился Борису Эйхенбауму, знаменитому

литератороведу, ее

отцу. Эти мул-

ые старые

интелиген-

ты - по

своим по-

нятиям о

благо-

родстве,

по сво-

ей об-

ра з о -

ванности

- были

ровней ра-

но помуд-

ревшему и

постаревше-

му Даля.

Когда умер

Козинцев,

Даль послал

его вдове тел-

еграмму: «Я

всегда буду нена-

видеть вчерашний

день».

Кроме этой тел-

еграммы, нам

предлагают и

подборку

писем Даля.

Письма, от

самого

первого,

написан-

ного невес-

те через не-

сколько

дней после

ее согла-

сия на

бра

, до по-

следних. Книга движется по нараста-

ющей, все ближе, ближе, ближе, и все

время, как афористично, вполне в

стиле артиста, сказал Василий Аксенов, «впереди - Даляр!». Наибольшее

открытие - стихи артиста и его проза-

ические наброски. Особенный стиль,

тонкие, красивые, неожиданные, по-

рою вычурные фразы и сравнения.

Непростая проза, как ничто, отражая

жажду метания и мечтания автора с

моментами сюрреализма и отголоска-

ми Пруста. Чудный, вдохновенный,

добрый, ласковый гимн Художнику -

статья об Иосифе Хейфице, написан-

ная по заказу для журнала и неопуб-

ликованная. Причину отказа журнала

от текста понял сам адресат: «Слиш-

ком хорошо!» Слишком самобытно,

слишком образно. Непросто. Эта не-

простота - и в дневниках. Жестокость,

жестокость - к себе, к коллегам.

Оценки собственных работ. Размыши-

ния о жизни и своем месте в ней -

до истерики. Не всегда справедливые

оценки поступков, слов, порой дела-

ющие из мухи слона.

Он ни к чему не относился легко.

Он ничего не умел делать легко. Раз-

ве что - дарил с экрана свою лег-

кую, горькую, счастливую, грустную

улыбку... Боже, как же сложно лю-

бить такого человека! И как же мож-

но не любить?

Так мало ролей сыграно. И не все

остались на кинопленках. А на маг-

нитофонной пленке остался только

гениально прочитанный (это оценка

всех специалистов) цикл на стихи

Лермонтова. Не из-за прискорбных

судьбы. Просто кассет у Даля было

всего две, новую купить было слож-

но, просить у кого-нибудь не мог -

вот и затирал старые «пробы» новы-

ми.

И жизнь его оказалась, как кассета,

на которую наслаждались роли,

роли, роли... Потом их стирали, их

забывали. Он постоянно требова-

тельно пытался править жизнь. А

пленка стиралась, возникали шумы,

помехи. И слышали эту пленку не-

многие.

Благодаря вышедшей книге сего-

дня, спустя 17 лет (целое поколение

зрителей без Даля!), оказалось, что

что-то можно еще дослушать, попыт-

аться понять, можно вновь обрести

чувство сосуществования рядом с

этим удивительным Артистом.

Но я всегда буду ненавидеть 3

марта 1981 года.

к себе и такую же - к окружающим, безжалостность к бездарностям, ревность или зависть к соперникам... Чем больше актер, тем сложнее быть рядом с ним. Помните замечательное бонмо Андрея Тарковского: «А вы действительно думаете, что они - люди?!». Они не люди, «они - все». И вот это множество миров в одном флаконе - есть на противоположность к новому времени, взрослея и отдаляясь. «Бояться автору нечего - он умер 100 лет назад». Чаще всего составители сборников воспоминаний, захлебываясь в любви к Предмету, сами того не желая, искажают биографию, сочиняя розовый сладкий роман в шоколаде. Удачи в этом жанре бывают редки.

Любить их - легко и сложно. Особенно если человека уже нет. С одной стороны, нет уже никакого развития. Есть только результат - Большой Актер. Смерть сразу задает масштаб и расставляет большое и мелкое на свои места. С другой стороны, результат можно переосмыслить, пересмотреть, вспоминать, сравнивать с новым временем, взрослея и отдаляясь. «Бояться автору нечего - он умер 100 лет назад». Чаще всего составители сборников воспоминаний, захлебываясь в любви к Предмету, сами того не желая, искажают биографию, сочиняя розовый сладкий роман в шоколаде. Удачи в этом жанре бывают редки.

Но книга, о которой я говорю, - изредки. На лотках она сразу бросается в глаза - с портретом во всю обложку смотрит лицо человека с грустными глазами, лицо, которое знают, помнят и до сих пор любят очень многие. Жизнь его внезапно оборвалась 3 марта 1981 года, а имя сразу встало в список главных потерпевших, в список тех, кто сгорел в короткий срок в начале 80-х. Олег Даль. Любимый актер. Бездременная смерть. Нежно любимые фильмы.

Эта книга должна была бы появиться давно. Наталья Галаджева начала собирать ее почти сразу после смерти Даля. Наконец объемный том вышел в издательстве «Центрполиграф». В его подготовке принимала непосредственное участие вдова артиста - Елизавета Даль. Стараниями составителей книга замечательно композиционно выстроена, она как бы состоит из нескольких частей, каждой из которых открывает личность Олега Даля по-новому.

В первую часть, по традиции, собраны воспоминания коллег и знакомых. Открывает мемуарную часть милый, без приторности, короткий, но точный «некролог спустя...» режиссера Бориса Львова-Анохина под символическим названием «Единст-

вся знать о, пусть незнакомом, но родном человеке. Что любил? Что ненавидел? Как жил? О чем думал?

«Мне кажется, что